

УТВЕРЖДАЮ

Директор Института,
кандидат исторических наук

Решетников Л.П.

«23» ноября 2015 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию

Носырева Ильи Николаевича

на тему «Русский раскол XVII века как милленаристское движение (на примере старообрядческих беспоповских и хлыстовских общин)», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки)

Диссертационное исследование Носырева Ильи Николаевича «Русский раскол XVII века как милленаристское движение (на примере старообрядческих беспоповских и хлыстовских общин)» посвящено анализу одного из крупнейших событий в религиозной истории России – церковного раскола XVII века.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, включающих семнадцать параграфов, Заключения и Списка использованной литературы.

Во Введении И.Н. Носырев определил цель и задачи исследования, хронологические рамки и раскрыл научную новизну исследования. Также во Введении автор дал определение ключевых понятий исследования и выдвинул гипотезу, обоснованию которой посвящена диссертация. Актуальность заявленной темы определяется помимо прочего тем, что тяжкие последствия церковного раскола ощущалась на всем протяжении последующей истории российской государственности, а само разделение не преодолено и по сей день.

Центральным понятием, используемым в работе, является милленаризм – социально-утопическое явление, широко распространенное в истории мировых религий. Известно, что милленаристские движения возникают в моменты глубокого кризиса, когда общество ищет ответ на терзающие его вопросы. Участники движения создают особый культ, центральной идеей которого

является ожидание скорой гибели мира. Уничтожение привычной реальности далеко не всегда рассматривается участниками движения как вселенская катастрофа — напротив, зачастую они смотрят на это грядущее событие с оптимизмом, ожидая, что оно принесет радикальную перемену общественного порядка — бедные будут вознаграждены за лишения, богатые и нечестивые падут жертвами божественного наказания (С. 14–15 диссертационного исследования). В истории христианства милленаристские движения сыграли значительную роль. В средние века эсхатологические ожидания, идеи грядущего обновления реальности вдохновляют народные движения иоахимитов, апостоликов и амальрикан, а рубеж Нового времени отмечен распространением различных течений протестантизма, где идея грядущего конца света играла важную роль: в том, что Страшный суд случится еще при их жизни, были, в частности, уверены Мартин Лютер и Томас Мюнцер.

Несмотря на то, что история христианства отмечена столь яркими примерами милленаристских движений, не следует рассматривать милленаризм как явление, которое встречается только в христианской, иудейской или исламской традициях. В действительности, зарубежные этнологи В. Тэрнер, П. Уорсли, Э. Уоллес, Р. Линтон и др.) изучали милленаризм как раз на примере аборигенных движений XIX–XX вв. — карго-культов Меланезии, североамериканской Пляски Духов, алтайского бурханизма и др. Это говорит о том, что милленаризм является весьма широко распространенной социальной модальностью. Э. Уоллес, например, предположил, что эти движения возникают в силу свойственного психике каждого человека стремления к ревитализации — восстановлению привычной картины мира после страшных общественных потрясений. Р. Линтон исследовал примеры общественных движений Африки, имевших место в XX в. и превратившихся из чисто религиозных в нейтивистские — связанные с рождением африканских наций. П. Уорсли, автор монографии о марксизме, продемонстрировал, что коммунизм как идеология имеет весьма много общего с милленаризмом: коммунизм также пребывает в ожидании своего «бесклассового рая», где человек освободится от низменных устремлений и обретет счастье в свободном труде (С. 19). В своей

диссертационной работе И.Н. Носырев выдвигает гипотезу о том, что русский раскол XVII в., давший начало возникновению старообрядчества и ряда других религиозных течений, также является примером милленаристского движения.

К несомненным достоинствам диссертационного исследования И.Н. Носырева следует отнести тщательную историографическую проработку имеющейся научной литературы, как по теме диссертации, так и по смежным проблемам. Перечень использованной литературы включает исследования как русских, так и зарубежных ученых. В качестве дополнения можно назвать работу американского исследователя старообрядчества Роберта Крамми (Crummey, Robert O. *The Old Believers and the World of Antichrist*, Madison, Wi.: The University of Wisconsin Press, 1970), а также две отечественные публикации последнего времени по теме эсхатологии староверов – М.А. Малафеевой (Малафеева М.А. Бинарные и сверхбинарные оппозиции в контексте старообрядческого эсхатологического дискурса // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Том 15. Выпуск 2. С. 225 – 231) и Н.С. Гурьяновой (Гурьянова Н.С. Эсхатологическое учение староверов и мессианское царство // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Отечественная история. 2000. № 2. С. 6 – 11).

В Первой главе диссертант проводит глубокий анализ ключевых идей раннего старообрядчества и хлыстовства, отмечая те из них, которые легко обнаруживаются в идеологии других милленаристских движений. Это, прежде всего, резкая реакция раскольнических публицистов в отношении культурных заимствований из Европы – как внешних, бытовых (ношение одежды немецкого и голландского покроя, курение табака, бритье бороды), так и более глубинных (иного отношения к царской власти, распространения западноевропейских этических представлений). По мнению И.Н. Носырева, русский раскол во многом был реакцией на аккультурационные процессы — отвергая иноземную культуру и демонстрируя приверженность собственной, старообрядцы выступали за сохранение национальной культуры и дониконовских церковных обрядов. Данная задача виделась им настолько важной, что они не останавливались даже перед уходом из «грешного» общества, переселяясь на

окраины Российского государства, чтобы не «замирщиться», не воспринять те же модели поведения, которые подвергали критике. При этом в публицистике раннего раскола чрезвычайно сильны эгалитарные идеи – в отличие от окружающего их общества, многие старообрядческие общины были свободны от сословных рамок. Поскольку сознание общинников было религиозным, они воспринимали современное им общество как царство Антихриста и считали себя последними приверженцами настоящей Христовой церкви, построенной на принципах равенства, духовной чистоты, нестяжательства, отрешения от всего мирского. Таким образом, вывод советских историков (Н.Н. Покровский, А.И. Клибанов) о том, что раскол являлся прежде всего антицерковным и антифеодальным движением, не совсем точным: «антицерковный» характер раскола заключается не в противодействии церкви как таковой, но в стремлении придать ей идеальный образ. В этом принципиальное отличие русского раскола от западноевропейской Реформации, с которой часто сопоставляли раскол отечественные историки. Это отличие обусловило и различные судьбы этих двух движений: если Реформации со временем удалось поставить на передний план экономические и политические цели, то старообрядчество не могло найти иного смысла, кроме ожидания Царства Небесного. Эти черты – резко критическое отношение к аккультурационным процессам и внимание к эсхатологическим идеям являются стандартными чертами любых милленаристских движений (С. 87–89).

Во Второй главе И.Н. Носырев проводит анализ общих закономерностей в развитии старообрядческих и хлыстовско-скопческих общин на протяжении XVIII-XIX вв. Автор выделяет два основных процесса, в той или иной форме имевших место в рассмотренных общинах: это, во-первых, постепенная демилленаризация, отход от радикальных установок (бессребренничество, безбрачие, курс на разрыв отношений с окружающим обществом), которых придерживались основатели общины; во-вторых, это борьба наиболее радикальной части общин с демилленаризацией, часто приводившая к выделению внутри старых общин новых, впоследствии также обреченных на постепенную демилленаризацию. Эта диалектика развития раскольнических

общин между двумя полюсами — изначальными радикальными установками и стремлением приспособиться к жизни в обществе является ключевой с точки зрения проблемы милленаризма. Данные противоположно направленные процессы позволяет выявить общую для большинства случаев закономерность их формирования.

Демилленаризация имела как психологические, так и материальные причины: поддерживать в среде верующих радикальные настроения на протяжении долгого времени оказывалось попросту невозможным. Кроме того, сказывалось и влияние внешнего фактора — необходимости выживания в условиях государственных репрессий. В то время как часть наиболее радикальных старообрядческих общин уничтожила себя (как правило, путем саможжения), те общины, которые сумели пойти на определенный компромисс с властью, смогли не только выжить, но и усилить свое влияние, что привело к преимущественному распространению именно их учений (федосеевцы, выговцы). Что касается последующих вспышек милленаристских настроений, то они вызывались различными причинами. Как правило, они были связаны с накоплением внутри общины довольно большой части недовольных, которые не считали сложившуюся форму существования общины способной удовлетворить их потребности, дать им защиту от государства или скудных условий жизни, либо вызывались новой социальной катастрофой — например, эпидемией или усилением гонений. В этом случае идея возврата к прежним милленаристским установкам становилась привлекательной для крупной части общинников. При этом под видом возвращения к устоям часто появлялось новое, отличное от изначальной старообрядческой доктрины, учение. Именно таким образом формируется, вероятно, большая часть старообрядческих толков, появившихся в XVIII–XIX вв. (С. 139–140).

Третья глава посвящена исследованию механизмов, которые сформировались на протяжении истории старообрядчества и хлыстовства как способ примирить между собой две упомянутые тенденции — курс на сохранение изначальной радикальности доктрины и постепенную димилленаризацию. И.Н. Носырев приводит пример нескольких наиболее

распространенных механизмов такого рода. Это, прежде всего, двухчастная структура раскольнических общин, состоявших из наиболее радикального ядра «старцев» и более обширной части «замирщенных» общинников, которые возвратились к обычной жизни и в той или иной форме признали власть государства, стали поддерживать экономические отношения с окружающим обществом, восстановили институт брака. Решению конфликта между двумя основными тенденциями развития способствовала ориентация раскольнических общин на экономический успех, а также прозелитическая деятельность общин (С. 187–189).

Значимость и научная новизна диссертационной работы связаны с тем, что она является первым опытом применения к русскому расколу XVII в. концепции милленаристских движений, являющейся глубоко проработанной в этнологической литературе. Благодаря этому И.Н. Носыреву удастся внести личный вклад в исследование проблем, которым историки обычно уделяли недостаточное внимание: эсхатологической доктрине раскола, критике старообрядческими авторами культурных заимствований из Западной Европы, связи между этой критикой и представлением старообрядцев о роли Российского государства в мире. Согласно предположениям автора, названные черты раскола не являлись случайными: они были тесно увязаны с социально-политическими представлениями старообрядцев.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что автор предложил подход, который может быть использован для дальнейших исследований религиозно-духовных течений, созданных русским расколом.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что выводы И.Н. Носырева могут быть использованы как в учебной работе, так и для выработки принципов государственной политики по отношению к современным старообрядческим религиозным организациям.

При всех достоинствах диссертационного исследования И.Н. Носырева, все же следует сделать ряд замечаний, которые диссертант может учесть при дальнейшей разработке проблемы.

- 1) Недостаточно обоснованными являются хронологические рамки

исследования: автор не затрагивает вопросов о развитии старообрядческих и хлыстовских общин в советский период, когда государственные репрессии в их отношении приобрели необычайно жесткий характер. Между тем, привлечение материалов по советскому периоду могло бы послужить основой для проверки выводов автора о связи между внешним давлением государства на раскольнические общины и изменениях в их идеологии.

2) Автор уделяет много внимания изложению подходов к миллениаризму, разработанных западными этнологами. Однако в самой работе содержится лишь несколько аналогий, проведенных между теми или иными идеями раскола и аналогичными идеями других миллениаристских движений, которые изучали сами авторы упомянутых теоретических подходов.

3) Не вполне обоснованным выглядит решение автора о выборе хлыстовства в качестве подтверждения миллениаристского характера русского раскола XVII в. В отечественной науке существуют различные версии относительно генезиса хлыстовства – от теорий о влиянии европейской Реформации и богомилства до утверждений о доморощенном характере хлыстов, их связей со славянским язычеством, старообрядцами и т.д. Несмотря на то, что автор указывает на несхожесть «процесса формирования и дальнейшей судьбы хлыстовства и старообрядчества» (С. 8), а также учитывая открытый характер вопроса о связи хлыстовства со старообрядчеством в отечественной науке, типологизация хлыстовства в качестве производного феномена Русского раскола XVII века на наш взгляд требует дополнительной аргументации.

4) Представляется, что утверждение и выводы автора о том, что «раскол в значительной степени является реакцией на аккультурационные процессы» обладало бы большим весом не только на фоне сопоставления отрицания культурных заимствований старообрядцев и ряда иных культов – «движения ойротов на Алтае», «культы карго» и др., но и при сравнительном рассмотрении отношения к проблеме аккультурации внутри самой Русской Православной Церкви.

5) Несколько неаргументированным представляется утверждение автора о

том, что «Раскол способствовал самоидентификации русских как единого народа» (С. 52). На наш взгляд, преобладание в мировоззрении носителей раскола, в том числе старообрядцев, дихотомий «свой-чужой», «мы-они» делает общество раздробленным и уязвимым, в том числе поскольку механизмы легитимации в нем перестают выполнять интегрирующую функцию. С другой стороны, факт наличия в старообрядчестве различных толков, течений и разногласий относительно вопросов обрядности, вероучения, взаимоотношений с властью требуют более глубокого обоснования высказанного автором тезиса о том, что «старообрядчество на раннем этапе своего существования выступает объединяющей доктриной» (С. 190).

В целом, говоря о работе диссертанта, необходимо высоко оценить научный интерес Ильи Николаевича Носырева к сложной и мало разработанной теме эсхатологии старообрядческого раскола и одновременно поблагодарить кафедру этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, на которой выполнена диссертация, за определенную научную смелость в постановке новых тем научных исследований.

Таким образом, на основании общей оценки научных положений и выводов, сформулированных в диссертационном исследовании, можно сделать вывод об их новизне и научной значимости. Отмеченные и высказанные выше замечания не снижают общей положительной оценки результатов диссертационного исследования.

Диссертационное исследование И.Н. Носырева написано на актуальную тему – «Русский раскол XVII века как милленаристское движение (на примере старообрядческих беспоповских и хлыстовских общин)», которая соответствует требованиям паспорта специальности 07.00.07 –Этнография, этнология и антропология. Диссертация является завершенным самостоятельным научным исследованием и полностью отвечает требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 Положения о порядке присуждения учёных степеней, предъявляемых к кандидатским диссертациям. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в работах, включая 3 статьи в журналах, входящих в Перечень ВАК, общим объемом 10 а.л. Автореферат диссертации и

публикации автора соответствуют предъявляемым требованиям.

Все вышеперечисленное дает основание для присуждения Носыреву И.Н. искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология.

Отзыв на диссертацию подготовлен заместителем директора – руководителем Центра гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований, кандидатом исторических наук Смолиным Михаилом Борисовичем.

Отзыв на диссертацию Носырева Ильи Николаевича рассмотрен и обсужден на заседании Учёного совета Российского института стратегических исследований «20» ноября 2015 г., протокол № 49.

Заместитель директора –
руководитель Центра гуманитарных исследований
ФГНБУ РИСИ
кандидат исторических наук

Подпись М.Б.Смолина заверяю:
Ученый секретарь ФГНБУ РИСИ
кандидат экономических наук

М.Б.Смолин

Н.В.Грибова